

Религиозный фактор и глобальная биоэтика: направления международных дискуссий

Наталья Петровна Шок, Приволжский исследовательский университет
Минздрава России, Нижний Новгород, Россия

Надежда Алексеевна Белякова, Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Контактный адрес: shok.nataliya@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье проанализировано сотрудничество структур ООН с религиозными неправительственными организациями, а также с религиозными сообществами. Авторы рассматривают разные уровни влияния религиозного фактора на активность ООН, а также определяют новые направления его развития, наметившиеся в период COVID-19. Авторы акцентируют внимание на смысловой и структурной конфликтности глобальной повестки, которая формулируется элитами, признающими «пользу» религиозных институтов и стремящихся использовать возможности религиозных сетей, с одной стороны. С другой стороны, указывают на внутренние разногласия, характерные для национальных религиозных сообществ, которые в результате их участия в международном диалоге вносят дополнительное напряжение как в глобальные дискуссии, так и во внутренние процессы своих стран. Глобальное здравоохранение, ставшее важной частью международных отношений, ставит на повестку дня поиски новой этики глобального диалога, частью которого становятся религиозные ценности и религиозные акторы. В пандемию COVID-19 наметились тренды, сделавшие более видимым роль религии в современной повестке глобального здоровья и глобальной биоэтики. В первую очередь, в связи с угрозами глобальной пандемии, необходимостью создавать новые формы глобального управления здравоохранением и реакцией на эпидемические угрозы, а также организации системы «помощи» развивающимся странам в сфере общественного здравоохранения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальная биоэтика, религиозные сообщества, ЮНЕСКО, глобальное здравоохранение, религиозные неправительственные организации

Введение

Признание религии значимым фактором международных отношений произошло в последние десятилетия в связи с признанием «религиозного возрождения» после окончания холодной войны, рисков религиозного экстремизма и культурного многообразия. Схожие тенденции наблюдаются в области глобальной биоэтики, где внимание к религиозному фактору связано с признанием важности культурного многообразия¹, особенно в контексте диалога с обществами развивающихся стран.

Данная статья представляет собой первый в отечественной научной литературе опыт соединения нескольких историографических массивов в области этики, медицины и религиозного фактора в плоскости международных отношений. Нам представляется важным выделить три блока тем, существующих в научной литературе: (1) это исследования об истории и современном положении религиозного фактора в международных отношениях²; (2) историография религии в глобальной системе ООН, и в частности, ее роль в адресации глобальных проблем, связанных с темой здравоохранения и здоровья³; (3) вопросы развития академических дискуссий о роли религии в биоэтике, а также о взаимосвязи глобальной биоэтики и религиозного контекста международных отношений (в том числе связанные с вызовами глобальной пандемии COVID-19)⁴.

Ф. Перхок, генеральный директор Европейского парламентского исследовательского центра, в феврале 2020 г. констатировал, что «секуляризм» западной элиты, выстраивающий глобальную повестку международных отношений, является не авангардом, а исключением на фоне мировых тенденций⁵. В его докладе о внешней политике Европейского союза была зафиксирована значимость религиозного фактора в глобальной политике в области экологии, миротворчества, глобальной этики и биоэтики (в т.ч. цифровизации и искусственного интеллекта в социально-значимых областях), культурного наследия, идентичности, межкультурного диалога и др.⁶

На уровне глобальных структур мультикультурализм и различные религиозные традиции являются не только частью конструктивного диалога, но часто и причиной разногласий, связанных с внутренней разобщенностью национальных религиозных сообществ. В контексте роста религиозного фактора в деятельности международных организаций важно отслеживать тренды академических дискуссий, в частности, мирового биоэтического сообщества.

Центральной темой стало исследование возможностей для пересмотра отношений религиозного и секулярного в пространстве биоэтических дебатов в новых условиях⁷. Как отмечает авторитетный исследователь проблем биоэтики

1 Marshall, Koenig 2004, 252–266.

2 Werkner, Hidalgo 2014; Fitzgerald 2011; Scott 2005; Hatzopoulos, Petitо 2003; Adams 2021.

3 Lehmann 2016; Haynes 2014; Stensvold 2016; Kille 2007.

4 Murphy 2012; Loue 2020; Murphy 2020, 47–49; Kalbian et al. 2020, 37–39; Marshall, Koenig 2004, 252–266; Cisneros, Premawardhana 2010; Tham et al. 2017.; Gielen 2020; Tham et al. 2018; Alimi et al. 2020; Giubilini et al. 2021.

5 Philippe Perchoc, "Increasing Engagement. Religion And The EU's External Policies. European Parliamentary Research Service," European Parliament, February 2020, accessed November 16, 2021, [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/646173/EPRS_IDA\(2020\)646173_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/646173/EPRS_IDA(2020)646173_EN.pdf).

6 Ibid.

7 McCarthy et al. 2020.

Дж. Эванс, теология сыграла большую роль в начале формирования базовых концептов биоэтики¹, но впоследствии религиозный компонент исчез. Это произошло потому, что религиозная аргументация не соответствовала запросам основного потребителя биоэтики – правительственных институтов и разнообразных бюрократических структур². Иными словами, политизация биоэтики в прошлом привела к исключению религиозных акторов из биоэтики, однако сегодня, с изменением политической повестки пересматривается и место религиозного фактора в биоэтике. Большая часть материалов указанного номера³ демонстрирует обеспокоенность тем, как отношения между теологической и светской биоэтикой будут функционировать в нескольких измерениях: на национальном и глобальном уровнях, в контексте межрелигиозного диалога, а также в рамках отдельных религиозных традиций и их национальных контекстов. Как будет показано далее, сегодня происходит пересмотр роли религиозного фактора не только в академическом пространстве, но и в международном политическом пространстве.

В последние десятилетия религия стала неотъемлемой частью повестки международных структур в области прав человека (*religious freedom and belief*), международных отношений (*religion in international affairs*), глобального здоровья (*global health*), культурного наследия (*cultural heritage*), иными словами – тех вопросов, которые затрагивают феномен социального благополучия. Религиозные сообщества, как и религиозные неправительственные организации, признаются важными партнерами в реализации программ как ООН в целом, так и его подразделений, например, ВОЗ и ЮНЕСКО.

Частью инициатив ВОЗ и ЮНЕСКО становятся вопросы биоэтики, которая в пространстве международных коммуникаций получила определение глобальной биоэтики. Принципиальным условием ее развития стало создание общего контекста для этических подходов, которые включали бы в себя различные культурно-детерминированные типы биоэтики. Глобальная биоэтика, оставаясь противоречивым и разнородным конструктом, вырабатывает новый язык гуманизма, подчеркивая, что все участники мирового диалога имеют обязанности по отношению друг к другу⁴. В отечественной историографии отмечается незначительный интерес к вопросам глобальной биоэтики, который не включает в себя исследований религиозного фактора в международных отношениях в целом и глобальных биоэтических дискуссиях по вопросам общественного здоровья в частности⁵.

Современные тренды, определяющие роль религии в современных международных отношениях, связаны с приоритетными для мирового сообщества темами глобального здоровья и противостояния будущим глобальным угрозам развития пандемий, так и помощью развивающимся странам в решении вопросов общественного здравоохранения под лозунгом «Один мир – одно здоровье» (*One world one health*). Международные организации, такие как ВОЗ, в пандемию активнее занялись обновлением и развитием новых пространств и сетевых ком-

1 Evans 2020.

2 Подробнее об этом: Evans 2012.

3 Murphy 2020.

4 Have 2016, 43–51.

5 Михель 2018; Кожевникова 2017.

муникаций с негосударственными участниками мировых процессов, значительной частью которых являются религиозные сообщества и неправительственные религиозно-ориентированные объединения. Их активная деятельность в развивающихся странах представляет собой важный ресурс глобального здравоохранения и глобальной биоэтики. Совокупность перечисленных тенденций значительно трансформирует содержание и значение биоэтических дискуссий как национальных, так и глобальных. Одним из важных вызовов становится необходимость соединять в новых условиях глобальной повестки (глобальная биоэтика и религиозность в интересах мирового сообщества) на уровне международных организаций (ВОЗ, ЮНЕСКО и др.) с локальными особенностями, в частности социокультурными аспектами здоровья и религиозностью местных сообществ.

От биоэтики к глобальной биоэтике

Биоэтика как исследовательское поле сформировалась в результате академических и общественных дискуссий США в конце 1960-х – начале 1970-х¹ гг. В.Р. Поттер впервые ввел термин «биоэтика» в 1970 г. Уже к середине 1970-х гг. термин стал чрезвычайно популярным. Тогда же произошло «раздвоение» американской биоэтики. Одно направление было больше связано с медицинской практикой (А. Хеллегерс) и представляло, по мнению ученых Джорджтаунского университета², «переосмысленную медицинскую этику», применяемую к более широкому кругу вопросов. Другое – предлагало более широкую трактовку биоэтики как нового междисциплинарного направления, синтетически объединяющего медицинскую, экологическую и социальные повестки в масштабе всего мира (В.Р. Поттер).

В США первое направление получило большую популярность, так как биоэтика позволяла значительно продвинуть развитие концепта индивидуальных прав. Как известно «язык прав» в 1960–1970-е гг. был всепроникающим в публичном пространстве западных обществ³. Наряду с этим, как отмечал один из основоположников американской биоэтики, основатель влиятельного независимого исследовательского центра *The Hastings Center* Д. Келлехан⁴, в середине 1960-х гг. в биоэтике доминировали теология или медицинская традиция, во многом определенная религией. Х.Т. Энгельгардт⁵, также один из основателей биоэтики, считал, что американская биоэтика выросла из академической теологии. Биоэтика сделала приоритетом идею автономии личности. Именно это несколько усложнило дальнейшее участие теологии в развитии биоэтики. Иными словами, на раннем этапе развития биоэтики теологи внесли существенный вклад в ее развитие, но уступили свое место к концу 1970-х гг. аналитической философии и юриспруденции. Таким образом, биоэтика не только зародилась в США, но и отражала этос, которому присущи индивидуализм, технологический

1 См., например: Potter 1970; Potter 1971; Pellegrino 1979; Reich 1994.

2 Институт Джозефа и Роуз Кеннеди по изучению репродукции человека и биоэтики (при Университете Джорджтауна) был основан в 1971 г. и в настоящее время продолжает занимать лидирующие позиции в биоэтике.

3 Callahan 1994.

4 Callahan 1990.

5 Engelhardt 1998.

оптимизм и прагматизм. В книге «Рождение биоэтики» (1998) А. Джонсен¹ систематизировал историю биоэтики США вплоть до 1987 г. Исторические рамки он объяснил тем, что в последующий период биоэтика не только стала более интенсивно развиваться, но и во многом обогатилась новыми направлениями, а интересы американских биоэтиков постепенно смещались от вопросов автономии пациента к вопросам социальной справедливости.

В 1980-е гг. происходит смещение фокуса биоэтических дискуссий, что было обусловлено комплексом факторов. Во-первых, это было связано с реформами здравоохранения в США. Именно тогда, как утверждает Д. Келлехан², в среде биоэтиков стали возникать вопросы: «Насколько необходимо в интересах общества тратить так много средств на здравоохранение?», или «Что является зоной личной ответственности в вопросах сохранения здоровья, если вынести за скобки функции государственного здравоохранения?» Таким образом, постепенно нарастало понимание, что существующие подходы к биоэтике не могли исследовать соотношение идей общественного блага и личной ответственности. Постепенно стало приходить понимание, что биоэтика свела все моральные дилеммы к микровыборам отдельных личностей. В начале 1980-х гг. Д. Келлехан предложил понятие «этики минимализма», чтобы пояснить происходящее. Он утверждал, что такой подход сводит все ценности к выбору, который нацелен на минимизацию вреда другому, отдавая приоритет индивидуальному над общественным. Главную ценность представляла идея индивидуальной свободы от экономических, социальных и культурных ограничений, которая определила вектор развития американской биоэтики с 1970-х гг. По его мнению, такая этика хороша для периода «социального изобилия», но в трудные времена она приводит к хаосу, а потому должна быть переосмыслена в пользу идей альтруизма и самопожертвования³. Во-вторых, ВИЧ/СПИД был признан новой смертельной болезнью. До этого допускалось, что инфекционные болезни больше не представляли собой угрозы. Так, в мае 1980 г. на 33-й Всемирной ассамблее здравоохранения прозвучало официальное заявление об избавлении от одной из инфекций, отличавшихся наибольшим количеством смертей у заболевших: «Мир и все его население обрели свободу от оспы»⁴. ВИЧ/СПИД стал первой эпидемией в истории мировой биоэтики, что заставило переосмыслить существующие границы этических рамок. Возникновение пандемии ВИЧ/СПИДа и ее стремительное распространение по миру подчеркнуло важность концепции общественного здравоохранения, актуализировало значение идеи общественного блага.

В 1988 г. В.Р. Поттер предлагает термин «глобальная биоэтика»⁵. Она должна соблюдать баланс между миром человека и природы. Прилагательное «глобальная» подчеркивало новизну, и означало как «мировой охват», так и «всеобщий и комплексный» подход. Для В.Р. Поттера глобальная биоэтика – это основное направление, в котором медицинская и экологическая биоэтики объединятся.

1 Jonsen 1998.

2 Callahan 1994.

3 Callahan 1981.

4 "WHO Commemorates the 40th Anniversary of Smallpox Eradication," World Health Organization, December 13, 2019, accessed November 17, 2021, <https://www.who.int/news/item/13-12-2019-who-commemorates-the-40th-anniversary-of-smallpox-eradication>.

5 Potter 1988; Potter 1993.

Тематически она сближается с проблемами мирового масштаба, попадая под влияние трендов глобализации. Биоэтика постепенно сплетается с вопросами политики и глобального управления. Происходит значимая трансформация – адресат биоэтических дискуссий де-персонализируется: фокус не на обществе и человеке, а на политических программах конкретных структур, которые формируют глобальную биоэтику. Новые политические акторы трансформируют не только повестку биоэтики, но вынуждают ее искать методологические ракурсы в решении ранее неисследованных вопросов, которые необходимо адресовать на уровне международных организаций, учитывая национальное и культурное разнообразие мира. Важным историческим этапом развития концепта глобальной биоэтики стало издание Энциклопедии биоэтики в 1995 г., которое с момента формирования биоэтики всегда стремилось отражать актуальный «слепок» ее академической повестки в работах ведущих ученых. Символично, что в этом выпуске произошло смещение внимания исследователей в пользу анализа глобальной биоэтики в контексте международных отношений и межкультурных коммуникаций¹.

Важным этапом трансформации биоэтики в глобальную является новый уровень международного сотрудничества. Именно 1990-е гг. стали тем десятилетием, когда всемирная деятельность биоэтики стала заметной. В 1991 г. Европейский союз (ЕС) стал инициатором внедрения биомедицинской программы и программы исследования состояния здоровья, которая включала биоэтику как одну из областей исследования, где международное сотрудничество было необходимым условием финансирования. Европейская конвенция о правах человека и биомедицине, принятая Советом Европы в 1997 г. (также именуемая конвенция Овьедо²) стала важным шагом в развитии мировой биоэтики. Во всех регионах мира были учреждены профессиональные ассоциации и платформы для сотрудничества (например, Международная ассоциация биоэтики (1992), Международный комитет ЮНЕСКО по биоэтике (1992), Руководящий комитет по биоэтике Совета Европы (1992), Программа ЮНЕСКО по биоэтике (1993), Региональная программа по биоэтике Панамериканской организации здравоохранения (1994), Азиатская биоэтическая ассоциация (1997) и др.). Межправительственные организации, такие как ЮНЕСКО и ВОЗ, приступили к разработке официальных программ и видов деятельности. Стало ясно, что биоэтика концентрируется на мировых проблемах. Сегодня можно сказать, что глобальные тенденции в биоэтике формировались на протяжении нескольких десятилетий. Они были связаны с комплексом факторов как социально-политического, так и научно-медицинского и технологического характера.

2000-е гг. принесли большие изменения не только в повестку биоэтики, но и вопросы глобального здравоохранения. В 2005 г. была подписана Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека ЮНЕСКО, которая оказала значительное влияние на дальнейшее развитие темы. Эти годы также были отмечены ростом эпидемических вспышек в разных местах планеты. Первой такой угрозой

1 Reich 1995.

2 Andorno 2005.

стал в 2003 г. SARS (тяжелый острый респираторный синдром). Он не был чем-то новым с медицинской точки зрения, однако его распространение проявилось в новой среде управления общественным здравоохранением. Международная ситуация радикально отличалась от той, в которой возникали прошлые мировые эпидемии. Мир стал свидетелем многочисленных опасений по поводу распространения болезней – не только «классических» пандемических заболеваний, таких как грипп, но и многих других, таких как MERS (ближневосточный респираторный синдром), лихорадка Эбола и другие. Глобальная биоэтика как концепт все более тесно связывается с политикой в области глобального здравоохранения. Профессор Гарвардского университета А. Брандт в эссе 2013 г. отметил, что «эпидемия СПИД серьезно повлияла на то, что раньше мы называли международным здравоохранением, положив начало формированию нового направления – глобального здравоохранения»¹. Глобальное здравоохранение подразумевает взаимное участие ученых, политиков и международных независимых акторов в обсуждении того, как должно финансироваться здравоохранение в условиях глобального взаимодействия. С введением этого понятия произошло внедрение новых этических и моральных ценностей, которые признают общественное здоровье высшей ценностью. Как отмечает в своем издании 2016 г. профессор Х. тен Хаге² «Глобальная биоэтика: введение», глобализация расширила круг вопросов биоэтики, добавив новые этические проблемы. Современная биоэтика, по его мнению, по-прежнему включает в себя вопросы здоровья, медицину, жизнь человека, но также экологическую проблематику³, биоразнообразии, биотехнологии, идентичность и др. Сегодня эта повестка дня формируется в контексте изменения климата, чрезвычайной ситуации, связанной с исчезновением животных, и развития новых эпидемических угроз.

Религия в повестке глобальных структур

В современной академической литературе существует консенсус, что на повестке политических и академических элит ООН, ЕС и США религиозный фактор в международных отношениях сделала заметным террористическая атака 11 сентября 2001 г.⁴ Генеральный секретарь ООН К. Аннан сразу после сентябрьских событий выступил с докладом «Содействие религиозному и культурному взаимопониманию, гармонии и сотрудничеству», и ООН стала систематически выстраивать повестку межрелигиозного и межкультурного диалога. Так в 2007 г. был инициирован Диалог о межрелигиозном и межкультурном взаимопонимании и сотрудничестве в целях Мира. Одновременно в ООН между 1998 и 2012 гг. шли дискуссии о диффамации религий (*Defamation of Religion controversy*)⁵, что было связано в первую очередь с конфликтами вокруг ислама, отношениями между исламом и западной цивилизацией. Эти дискуссии сделали более заметным

1 Brandt 2013.

2 В 2003–2010 Х. тен Хаге занимал должность Руководителя подразделения этики науки и технологий при ЮНЕСКО. Подробнее см.: ten Have 2016.

3 См. о формировании понятия биоэтика в немецкоязычной традиции в связи с теологией как науки о взаимоотношениях с окружающим миром: Белякова 2020.

4 Werkner, Hidalgo 2014; Hatzopoulos, Petitto 2003.

5 Carrette, Miall 2017.

религиозный фактор в глобальной повестке, и в международных структурах консенсус об исключительной значимости религии для развивающихся стран (Африки, Азии и Латинской Америки) был достигнут¹. В октябре 2008 г. в Стамбуле был проведен Форум для создания Межконфессиональной сети в интересах народонаселения и развития. В нем приняли участие 60 представителей ЮНИФА и других органов ООН, а также более 100 представителей религиозных организаций из пяти регионов (Африка, Арабские государства, Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточная Европа, Центральная Азия, а также Латинская Америка и Карибский бассейн). В 2010 г. в ООН была создана Межведомственная целевая группа по религии и устойчивому развитию (*IATF-Religion*) с целью выработки практического руководства по взаимодействию с религиозными деятелями, углубления потенциала сотрудников системы ООН в области пересечения религии с базовыми принципами ООН – такими как развитие, права человека, мир и безопасность – а также для выработки стратегического политического руководства².

Внутри ЕС также наблюдались интересные тенденции. Пересмотр значения религии в области международных отношений начался в 2008 г. с появлением неформальной группы должностных лиц ЕС из отдела политики Верховного представителя ЕС Х. Соланы, когда совместно с дипломатами из стран-членов ЕС, Норвегии и Швейцарии была создана группа для обсуждения влияния религии и убеждений на дипломатию. С 2009 г. после вступления в силу Лиссабонского договора в ЕС появляется правовая основа для разработки механизмов анализа и диалога с религиозными организациями³. В 2013 г. появляется первое руководство ЕС в области защиты свободы религии и веры. С этого же года Европейская служба внешней активности (*EEAS – European External Action Service*⁴) стала организовывать курсы религиозной грамотности для чиновников ЕС⁵. Эта структура является частью трансатлантической сети в области религии и дипломатии (*Transatlantic Policy Network on Religion and Diplomacy – TPNRD*), центр которого находится в Кембридже (*Institute on Religion and International Studies*). Эта сеть оказывает влияние на международные отношения, поскольку охватывает дипломатов и практиков из США, Канады, ЕС и EEAS. Похожие тренды наблюдались и в США: в 1998 г. был создан Комитет внутри Государственного департамента (*Office of International Religious Freedom – IRF*), а в 2013 г. – Комитет религии и глобальных отношений (*Office of Religion and Global Affairs – RGA*), помогающий дипломатам активнее взаимодействовать с религиозными деятелями для обеспечения интересов США. Во внешней политике ЕС было официально зафиксировано три направления взаимодействия с «религией»: изменение климата, политика развития и разрешение конфликтов⁶.

Такой поворот в отношении религии стал возможен в связи с концептуальными изменениями глобальной повестки. Например, в рамках ЮНЕСКО в начале

1 Jones, Petersen 2011.

2 "United Nations Inter-Agency Task Force on Engaging Faith-Based Actors for Sustainable Development," JIIFLC, accessed November 16, 2021, <https://jiiflc.com/organizations/united-nations-inter-agency-task-force-on-engaging-faith-based-actors-for-sustainable-development/>.

3 Philippe Perchoc, "Increasing Engagement. Religion And The EU's External Policies. European Parliamentary Research Service."

4 European Union External Action Official Site, accessed November 17, 2021, <https://eeas.europa.eu/>.

5 Barnett et al. 2015.

6 Philippe Perchoc, "Increasing engagement. Religion and the EU's external policies. European Parliamentary Research Service."

1990-х гг. были разработаны «универсальные принципы, основанные на общих этических ценностях», и религиям предлагалось стать носителями некоей глобальной универсальной этики. Эти достаточно дискуссионные разработки нашли свое отражение в декларации ЮНЕСКО 2006 г.¹, ограниченное участие в обсуждение которой приняли далеко не все представители религиозных сообществ². Религиозные неправительственные организации стали признаваться в качестве важных партнеров ООН, участвующих в формировании гражданского общества, альтернативных по отношению к государственным структурам. Отмеченный выше интерес глобальных структур к местным, локальным участникам развития³ делал религиозные сообщества имеющими потенциал для реализации глобальной политики. В сентябре 2019 г. в ЕС была запущена экспертная программа «Глобальный обмен по вопросам религии в обществе» (*Global Exchange on Religion in Society*), помогающая координироваться активистам глобальных религиозно-социальных проектов. Другим направлением оставался комплекс сюжетов вокруг религиозной свободы внутри структур, отвечающих за соблюдение прав человека. Так, в повестке глобальных институтов, посвященных стратегиям развития, сотрудничеству в области климата и глобального здоровья религиозные структуры оказались тесно вшиты в реализацию их концепций на низовом уровне. Поскольку присутствие религиозных акторов в системе ООН представляется неочевидным для российской историографии, далее мы покажем современное состояние исследований о динамике и особенностях их присутствия в системе ООН.

Религиозные акторы в системе ООН: историческое присутствие и особенности взаимодействия

В 2010-е гг. в англоязычном пространстве появляется целый ряд академических исследований⁴, рассматривающих разные аспекты присутствия религии в ООН. Общим местом для этих исследований стало утверждение о систематическом игнорировании в академическом пространстве влияния религиозного фактора на деятельность ООН. Было зафиксировано присутствие в ООН религиозных субъектов, которые обозначались как религиозные неправительственные организации (далее – РНО) или организации, основанные на религиозных убеждениях. Доля РНО в ООН составляла не менее 10%, самые крупные из них назывались *Caritas Internationalis*, *Aga Kahn Development Network*, *World Vision*. Исследование под редакцией Дж. Каретт и М. Хаг, опубликованное в 2017 г., отразило смещение интереса ООН в сторону нехристианских организаций: ими были проанализированы не столько традиционно доминирующие католические международные организации⁵, сколько недавно появившиеся в ООН мусульманские, индуистские и буддистские РНО.

1 "Universal Declaration on Bioethics and Human Rights," UNESCO, accessed November 17, 2021, <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001461/146180e.pdf>.

2 См. о ценностях: Stewart et al. 2010.

3 См. об этом подробнее: Willetts 2011.

4 Haynes 2014; Lehmann 2016; Carrette, Miall 2017.

5 Carrette, Miall 2017.

Согласно исследованию К. Леманн, религиозные зонтичные организации были первыми неправительственными организациями, которые начали развивать сотрудничество с ООН. Так первый этап сотрудничества пришелся на 1940 – середину 1960-х гг., когда в ООН было аккредитовано в общей сложности 18 христианских (и иудейских) РНО. С середины 1960-х до середины 1990-х гг. число аффилированных РНО росло, но незначительно. Зато в этот период расширяется спектр религиозных традиций, официально представленных в ООН, например, появляется «Всемирный Мусульманский конгресс» (1967), «Международное сообщество бахаи» (1970), «Всемирная лига мусульман» (1979), «Сабад» (1991). На этом этапе преобладало изменение и территориального акцента РНО. В то время как первые РНО имели свои штаб-квартиры либо в Европе, либо в Северной Америке, новые аккредитованные организации положили начало созданию РНО в развивающихся странах (Африке, Азии и позднее в Южной Америке). С середины 1990-х гг. зафиксирован новый виток аккредитаций РНО в ООН. Так, в 1995 г. получили аккредитацию РНО, имеющие четкую связь с буддизмом, индуизмом или новыми религиозными движениями¹.

Итак, в академической среде сегодня признается, что уровень влияния «религиозного фактора» на деятельность международных глобальных структур был высок. Более того, он не ограничивался только участием аккредитованных РНО в структурах ООН. Так, в исследовании Карретт и Хаг были выявлены три способа влияния религии на ООН. Первое направление осуществлялось напрямую через религиозных субъектов, бывших официальных членов ООН: Ватикан² или Организацию исламских государств. Второй способ влияния был зафиксирован через религиозную идентичность, проявляющуюся на локальном уровне внутри отдельных государств и оказывающую воздействие на международный уровень через правительства, формирующие представительства в ООН. Третий, – наиболее сложный, через конституирующий эффект, встроенный в структуры международного порядка, формирующийся в результате исторического столкновения государства и религии в Западной Европе³. Однако даже здесь исследователям заметно влияние личной религиозности, начиная от руководящих фигур в ООН⁴ и заканчивая рядовыми служащими⁵.

Согласно К. Леманн, религиозно-аффилированные структуры еще в 1960-е гг. переходят от модели классической церковной дипломатии к формату гражданского активизма. Более того, международные религиозные структуры формировали на определенном историческом этапе глобальную повестку и ценностные ориентиры в вопросах социальной справедливости, миротворчества, глобального здравоохранения⁶. Например, комиссия «Церкви в международных отношениях» (CCIA) возникла в 1946 г. как совместная комиссия двух христианских зонтичных организаций: а) Всемирного Совета Церквей и б) Международного миссионерского совета, основанного в 1921 г. и имеющего развитую структуру

1 Lehmann 2016.

2 История присутствия Ватикана в глобальных структурах представлена в исследовании: Шебалина 2021.

3 Carrette, Miall 2017.

4 Kille 2007.

5 Carrette, Miall 2017.

6 Белякова 2017.

для поддержки протестантской миссионерской деятельности в Африке, Азии и Латинской Америке. Эта комиссия оформилась как посредник между двумя глобальными структурами – ООН и Всемирным Советом Церквей (далее – ВСЦ), и ее экспансия способствовала внедрению дискурса религиозной свободы как части прав человека в обеих структурах, а кроме того, именно эта комиссия стимулировала обсуждение дискурса прав человека из теологической перспективы¹.

Еще более значимым для нашего исследования примером является активность Христианской медицинской комиссии (оформилась в 1964 г.), входившей в состав ВСЦ и ставшей на каком-то этапе посредником между ВСЦ и ВОЗ. Исходя из теологических установок Христианская медицинская комиссия² стала разрабатывать модели комплексной первичной медицинской помощи, т.е. программы, в которой были сбалансированы профилактическая, стимулирующая и лечебная медицинская помощь. Больничное лечение было признано эксклюзивным, что противоречило Евангелию. В основу предложенной внутри ХМК системы первичной медико-санитарной помощи было заложено два принципа: повышение равенства всей системы здравоохранения и защита достоинства пациентов³. Исследователь М. Брэйли подчеркивает, что на разработку концепции «здоровья для всех» в ХМК влияли не столько изменения в стратегиях общественного здравоохранения, новые методологии и все более сложные наборы данных, сколько в значительной степени теологическое миропонимание, в котором само исцеление было процессом, через который Божественное может влиять на жизнь человека⁴. Тесное взаимодействие руководителя ВОЗ Х. Малера и директора Христианской медицинской комиссии Дж. МкГилврэй в середине 1970-х гг. привело к тому, что ХМК принимала самое непосредственное участие в работе ВОЗ в этот период. Благодаря теологическим наработкам этой комиссии, объединившей представителей протестантских и католических миссий, имеющих опыт медицинской работы в странах Африки, Латинской Америки и Азии, произошел концептуальный поворот в формировании повестки глобального здоровья ВОЗ: от традиционной ориентации на лечение заболеваний в больницах к теологически обоснованному акценту на укрепление общественного здравоохранения по всему миру, созданию систем первичной медицинской помощи в локальных, особенно сельских общинах. Это новое направление, сформулированное внутри Христианской медицинской комиссии, повлияло на мышление ВОЗ, что в конечном итоге привело к принятию в 1978 г. в Алма-Ате (Казахская ССР)⁵ Декларации о первичной медико-санитарной помощи, являющейся важной вехой в формировании политики глобального здравоохранения⁶.

Однако текст Алма-Атинской декларации не содержал теологической аргументации, не фиксировал вклад религиозных институтов в развитие системы

1 Lehmann 2016.

2 Важной вехой стала конференция в Тюбингене в 1964 г., на которой было представлено христианское отношение к врачеванию, болезни и страданию, а также был критически поставлен вопрос о стремительно развивающихся медицинских технологиях в ущерб холистическому пониманию здоровья.

3 Benn, Senturias 2001; Litsios 2004.

4 Braley 2014.

5 О специфике использования религиозного фактора в международных отношениях Советским Союзом см.: Белякова 2017; Белякова, Пивоваров 2018; Белякова 2021.

6 Winiger, Peng-Keller 2021.

глобального здравоохранения. Аналогичная ситуация имела место и в основных международных документах глобальной биоэтики. Например, принципы, предложенные в 1970-е гг. ХМК, представляют собой и сегодня важные понятийные концепты в повестке глобальной биоэтики и глобального здравоохранения. Однако в современном контексте их употребление происходит вне религиозного контекста, а скорее в ракурсе секуляризованной проблематики прав человека и концепции солидарности. Дальнейшая «ненужность» теологической основы для развития глобального здравоохранения хорошо просматривается на примере отношений ВОЗ и ХМК: после отставки директора ВОЗ Х. Малера сотрудничество между организациями практически прекращается, впрочем первичной структурой для конструирования глобального здравоохранения остаются религиозные сообщества.

Эти новые глобальные процессы оцениваются исследователями религии в качестве новой фазы секуляризации РНО, поскольку в основу аргументации их деятельности кладется вполне светская мотивация, и легитимируют они себя через ставшие светскими дискурсы прав человека. Безусловно, инкорпорация религиозно аффилированных организаций в глобальные структуры отражает лишь внешние процессы глобализации, оставляя за скобками разные уровни соотношений между глобалистской идеологией и ценностными установками конкретных религиозных конфессий. Все же, становится заметным принципиальное различие между (1) положением организаций в международных отношениях и (2) внутренней поддержкой этого позиционирования внутри конфессиональных сообществ¹.

Примером неудовлетворенности тенденциями глобальной биоэтики представляются сформировавшиеся к концу 1990-х – началу 2000-х гг. некоторые направления критики, в частности в американских биоэтических кругах, которые, как отмечает Х. Хаве «оказались удивительно устойчивыми»². Например, Х.Т. Энгельгардт³ отмечает провальный характер идеи универсализации и глобализации биоэтики. Прежде всего он связывает это с тем, что не все страны мира имеют секулярный характер обществ, схожий с США и Западной Европой. Х.Т. Энгельгардт, критикуя моральный плюрализм, ввел понятие «множественности биоэтики»⁴. В свою очередь Д. Келлехан отмечает, что моральный плюрализм привел к пониманию важности переосмысления понятия «традиция» и роста ее значения для понимания морали⁵. Д. Келлехан указывает на необходимость появления секулярного эквивалента тому, что в прошлом «западные религии называли интерпретацией традиции, когда пытались подстроиться под изменяющиеся внешние обстоятельства»⁶. Наиболее радикально поворот к поиску религиозной традиции иллюстрирует знаменитое издание Х.Т. Энгельгардта «Основы христианской биоэтики», в котором он предложил мировому сообществу православие и учение отцов ранней Церкви в качестве альтернативы секуляр-

1 Lehmann 2016, 179.

2 Подробнее см. ten Have 2016.

3 См. подробнее: Engelhardt 1991; Engelhardt 1996; Engelhardt 1998.

4 Подробнее об этом см.: Энгельгардт 2020; Engelhardt 1996.

5 Callahan 1982.

6 Ibid.

ной множественности¹ и глобальному универсализму. Проблематике культурно-этических разрывов была посвящена серия семинаров «Биоэтика, мультикультурализм и религия», проведенная под эгидой ЮНЕСКО в 2009–2016 гг.² Эта работа выявила большие разрывы в отношении понимания этических дилемм не только между культурно-религиозными группами, но и внутри них.

Итак, подводя итог нашим наблюдениям об изучении религиозного фактора в системе ООН при формировании повестки глобального здравоохранения, мы фиксируем как консенсус исследователей о важности и исторической значимости религии в этой области, так и внутреннее противоречие использования религиозного ресурса в интересах его формирования консенсуса.

Что изменила пандемия COVID-19?

На первый взгляд может показаться, что внимание к религиозному фактору в системе международных отношений по вопросам глобального здравоохранения следует трактовать по-новому, так как это является следствием «новых вызовов» COVID-19. Однако такой вывод не вполне обоснован. Пандемия COVID-19 действительно вновь утвердила роль религиозных сообществ, но предпосылки в глобальном здравоохранении как интеллектуального, так и практического свойства, как было показано, были уже сформированы. Это стало возможным благодаря объединению двух факторов – интеллектуального (повестка глобального диалога нуждалась в новой всеобъемлющей этике, учитывающей роль традиции и культур незападных обществ) и международного (трансформаций в сфере политики и практик международных организаций). Многоплановый кризис пандемии COVID-19 вывел фактор религии в публичное информационное пространство. Так, в начале пандемии появилась критика религиозных групп, которые отказывались следовать требованиям санитарно-профилактических указаний в разных государствах, и прозвучал тезис, что священные места и совместные религиозные действия могут стать угрозой общественному здоровью. С началом пандемии COVID-19 внутри структур глобальной политики наметился новый виток интереса к религии, и непосредственно внутри структур ЕС усилилось внимание к религиозному фактору³.

В новых условиях институты ООН, в частности ВОЗ, дополнительно обозначили важность наработанных в предшествующие годы стратегий работы с местными сообществами разных стран в интересах глобального здравоохранения. Глобальный кризис доверия к правительствам, науке и другим социальным системам создал дополнительные возможности для партнерства. При формировании повестки глобального здравоохранения в условиях пандемии включение религиозных неправительственных организаций стало особенно заметно. Так, уже 7 апреля 2020 г. ВОЗ опубликовала «Практические рекомендации для рели-

1 Engelhardt 2000.

2 Семинары прошли в Риме, Гонконге, Мексике, США и др. местах. В фокусе находилась 12 статья Европейской декларации прав человека и биоэтики (2005), отмечающая особую роль культурного разнообразия и плюрализма.

3 Philippe Perchoc, "Increasing Engagement. Religion and the EU's External Policies. European Parliamentary Research Service."

гиозных лидеров и религиозных сообществ в контексте COVID-19»¹. По мнению ВОЗ, религиозные лидеры, религиозные организации и религиозные сообщества являлись основным источником поддержки, утешения, руководства и непосредственной медицинской и социальной помощи для сообществ.

Вопросы роли религиозности в условиях COVID-19 получили развитие и в академических кругах. 18 декабря 2020 г. на площадке Джорджтаунского университета в Центре Беркли по исследованию религии, мира и мировых отношений (*Berkeley Center for Religion, Peace, and World Affairs*) при участии организации «Развитие Диалога Мировых религий» (*WFDD*) организовали серию мероприятий «Религиозные ответы на COVID-19»². Здесь религиозно-обоснованные опасения оказались сосредоточены на биоэтике производства вакцин, поиске методов вовлечения религиозных организаций в коммуникации по вопросам безопасности и этике вакцин, а также о том, как существующие исследования религиозного участия в программах иммунизации могут быть адаптированы к текущему кризису. Этот исследовательский центр активно продолжает разрабатывать повестку включения религиозного фактора в различные социально-значимые инициативы международного значения, в том числе в условиях «постковидного мира», мировой дипломатии и вакцинации. Для разработки руководств в адрес религиозных организаций ВОЗ привлекает религиозные группы, работающие над исследованием соотношения веры и COVID-19, чтобы создать индивидуальный набор информационных продуктов по вакцинам для религиозных общин.

Системная инициатива с участием давнего партнера ВОЗ – Всемирного совета церквей – направлена на усиление партнерства с религиозными сообществами и стала частью информационной сети ВОЗ по эпидемиям (*EPI-WIN WHO*). Главной целью взаимодействия представляется развенчание мифов, которые появляются в социальных сетях и других источниках, и на использование существующих сетей внутри секторов для распространения информации о мерах борьбы с пандемией. *EPI-WIN* является частью программы информирования о рисках Программы ВОЗ по чрезвычайным ситуациям (*WHO's Health Emergency Programme*) в области здравоохранения, которая была создана после вспышки COVID-19. Команда *EPI-WIN* ВОЗ в конце 2020 г. запустила три «Сообщества практиков» (*COPs*), чтобы способствовать сотрудничеству и обмену знаниями с религиозными партнерами в следующих областях: коммуникация, исследования и обучение, а также разработка стратегии взаимодействия. С точки зрения глобальных структур религиозные лидеры являются ключевыми фигурами, которые обеспечивают доверие местных сообществ, а также позволяют вписывать глобальные программы в существующий социальный, культурный и религиозный контекст. На наших глазах формируются новые тренды в области глобального здравоохранения и биоэтики, где религиозные акторы занимают значимое место и должны быть подробно исследованы.

1 Практические соображения и рекомендации для религиозных лидеров и конфессиональных общин в контексте COVID-19. Временные рекомендации // ВОЗ. 7 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331707/WHO-2019-nCoV-Religious_Leaders-2020.1-rus.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

2 "Religious Response and Engagement on COVID-19 Vaccines," Berkeley Center for Religion, Peace, and World Affairs, Georgetown University, December 18, 2020, accessed November 4, 2021, <https://berkeleycenter.georgetown.edu/publications/religious-responses-and-engagement-on-covid-19-vaccines>.

Заключение

Сложность исследований современных тенденций роста религиозного фактора в повестке развития глобальной биоэтики и международных отношений заключалась в необходимости междисциплинарного соединения разных исследовательских направлений, что и предприняли авторы данной статьи. Во-первых, были проанализированы материалы, касающиеся секуляризации биоэтики, связанные в первую очередь с особенностями развития американского общества, которое с начала 1990-х гг. активно транслировало их на другие страны. Во-вторых, были представлены исследования, анализирующие исторический опыт и формат присутствия религиозных институтов – РНО и религиозно-аффилированных сообществ – в глобальных международных системах, особенно в секулярной системе ООН; расширение их присутствия и значимости было связано с процессами деколонизации и ролью религиозных акторов в них. В-третьих, были использованы работы в области новейшей историей эпидемий, которые начиная со СПИД существенно сместили приоритеты биоэтики: с вопросов, связанных с индивидуальным лечением, в сторону социальной справедливости, распределения ресурсов здравоохранения и артикуляции социокультурных факторов глобального здоровья.

Международные структуры (ВОЗ, ЮНЕСКО, ВСЦ и др.) в последние несколько лет активно вовлечены в диалог на глобальном уровне, в котором признается важность локальных факторов и роль местных сообществ. Представленные в статье проекты ВОЗ предполагают учет социокультурных аспектов в вопросах здоровья, особенно религиозного фактора, в разных частях мира. Опыт активного привлечения религиозных лидеров и включение религиозных сообществ развивающихся стран в формирование повестки глобального здоровья во многом схож с североамериканским опытом предшествующего периода: мы наблюдаем попытку использовать теологические нарративы и социальные практики религиозных сообществ в интересах достижения глобального общественного блага. В условиях пандемии COVID-19 главными общественными благами были названы глобальная безопасность, вакцинация и система глобального управления здравоохранением. Религиозные общины и их лидеры видятся деятелям глобального здравоохранения как инструмент для повышения доверия к глобальным инициативам и для выстраивания коммуникаций с широкими слоями местного населения.

Потенциальная конфликтность и внутренняя противоречивость представленной в статье темы заключается в том, что по-прежнему глобальная повестка формулируется секулярными элитами, которые признают абстрактную «пользу» религиозных институтов и стремятся использовать уникальные возможности религиозных сетей, однако отказывают носителям религиозности в выработке собственной повестки на основе локальных традиций, в том числе в отношении усложняющихся этических дилемм. Прагматическое инструментальное использование социальной активности религиозных сообществ вызывает напряжение внутри религиозной среды. Однако тот потенциал (как и угрозы), который сегодня видят эксперты в религиозной среде, дает религиозным сообществам и их лидерам определенные возможности в отстаивании и фор-

мулирование собственного понимания традиции и идентичности, а также во влиянии на формирование повестки глобальной биоэтики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белякова, Н.А. Христианские основы *Bio-Ethik* Фрица Яра и центральноевропейская перспектива восприятия его концепций // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – Том 4. – № 38. – С. 92–109. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-92-109>.
- Beliakova, Nadezhda A. "The Christian Foundations of Fritz Jahr's Concept of Bio-Ethik and Contemporary Central European Perspective." *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38, no.4 (2020): 92–109 [In Russian].
- Белякова, Н.А. Поездка кардинала Ф. Кенига по Советскому Союзу в 1980 г.: церковная дипломатия в условиях холодной войны // Российская история. – 2021. – № 5. – С. 97–104. <https://doi.org/10.31857/S086956870016596-6>.
- Belyakova, Nadezhda A. "Cardinal König's Trip to the Soviet Union in 1980: Church Diplomacy during the Cold war." *Rossiiskaia istoriia* 5 (2021): 97–104 [In Russian].
- Белякова, Н.А. Церкви в холодной войне // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 1. – С. 7–18. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-7-18>.
- Belyakova, Nataliya A. "Cerkvi v holodnoj vojne." *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* 1 (2017): 7–18 [In Russian].
- Белякова, Н.А., Пивоваров, Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнев) // Контуры глобальных трансформаций. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 130–149. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-130-149>.
- Belyakova, Nataliya A., Pivovarov, N.Yu. "Religious Diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the Time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev)." *Outlines of global transformations: politics, economics, law* 11, no. 4 (2018): 130–149 [In Russian].
- Илтис, А. Биоэтика и культурные войны // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2020. – Т. 38. – № 4. – С. 67–92. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-67-91>.
- Iltis, Ana S. "Bioethics and the Culture Wars." *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38, no.4 (2020): 67–91 [In Russian].
- Кожевникова, М. Биоэтика: возвращение к истокам // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 1. – С. 94–102.
- Kozhevnikova, Magdalena. "Bioetika: vozvrashchenie k istokam." *Znanie. Ponimanie. Umenie* 1 (2017): 94–102 [In Russian].
- Михель, И.В. Глобальная биоэтика: история развития в Северной Америке // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2018. – Т. 24. – № 2. – С. 41–56.
- Mihel', Irina V. "Global Bioethics: History of its Evolution in North America." *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii* 2, no.24 (2018): 41–56 [In Russian].
- Шебалина, Е. Ватикан и евроинтеграция: история и современность // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. – Т. 39. – № 3. – С. 271–288. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-3-271-288>.
- Shebalina, Ekaterina. "The Holy See and European Integration: History and Present State of Affairs." *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 39, no. 3 (2021): 271–288 [In Russian].
- Шок, Н.П. От биоэтики светской к биоэтике христианской: о значении наследия Х. Тристрама Энгельгардта в России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – Т. 38. – № 4. – С. 7–43. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-7-43>.
- Shok, Nataliya P. "From 'Bioethics' to 'Christian Bioethics': Significance of H.T. Engelhardt's Legacy in Today's Russia." *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38, no.4 (2020): 7–43 [In Russian].
- Энгельгардт, Х.Т. Мораль, традиция и благодать: переосмысляя возможности христианской биоэтики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – Т. 38. – № 4. – С. 44–67. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-44-66>.
- Engelhardt Jr., Hugo Tristram. "Moral Content, Tradition, and Grace: Rethinking the Possibility of a Christian Bioethics." *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38, no.4 (2020): 44–66 [In Russian].
- Alimardani, Mahsa, and Mona Elswah. "Online Temptations: COVID-19 and Religious Misinformation in the MENA Region." *Social Media + Society* 6, no.3 (2020): 1–4. <https://doi.org/10.1177/20563305120948251>.
- Alimi, Toni, Antus, Elizabeth L., Balthrop-Lewis, Alda, Childress, James F., Dunn, Shannon, Green, Ronald M., Gregory, Eric, Herdt, Jennifer, Jenkins, Wills, Cathleen Kaveny, M., Lloyd, Vincent W., Lo, Ping-cheung., Malesic, Jonathan, Newheiser, David, Oh, Irene, and Aaron Stalnak. "COVID-19 and Religious Ethics." *The Journal of Religious Ethics* 48, no. 3 (2020): 349–387. <https://doi.org/10.1111/jore.12328>.
- Andorno, Roberto. "The Oviedo Convention: A European Legal Framework at the Intersection of Human Rights and Health Law." *Journal of International Biotechnology Law* 2, no. 4 (2005): 133–143. <https://doi.org/10.1515/jibl.2005.2.4.133>.
- Benn, Christoph, and Erlinda Senturias. "Health, Healing and Wholeness in the Ecumenical Discussion." *International Review of Mission* 90 (2001): 7–25. <https://doi.org/10.1111/j.1758-6631.2001.tb00256.x>.
- Brale, Matthew B. "The Christian Medical Commission and the World Health Organization." In *Religion as a Social Determinant of Public Health*, edited by Ellen L. Idler. Oxford University Press, 2014.
- Brandt, Allan M. "How AIDS Invented Global Health." *New England Journal of Medicine* 386, no.23 (2013): 2149–2152. <https://doi.org/10.1056/NEJMp1305297>.
- Callahan, Daniel. "Bioethics: Private Choice and Common Good." *The Hastings Center Report* 24, no. 3 (1994): 28–31. <https://doi.org/10.2307/3563397>.
- Callahan, Daniel. "Minimalist Ethics." *The Hastings Center Report* 11, no.5 (1981): 19–25.
- Callahan, Daniel. "Religion and the Secularization of Bioethics." *The Hastings Center Report* 20, no.4 (1990): 2–4. <https://doi.org/10.2307/3562776>.

Callahan, Daniel. "Tradition and the Moral Life." *The Hastings Center Report* 12, no.6 (1983): 23–30. <https://doi.org/10.2307/3561360>.

Callahan, Daniel. "Universalism and Particularism: Fighting to a Draw." *The Hastings Center Report* 30, no.1 (1994): 37–44.

Cisneros, Ariane H., and Shanta Premawardhana. *Sharing Values. A Hermeneutics for Global Ethics*. Globethics.net, 2010.

Gielen, Joris, ed. *Dealing with Bioethical Issues in a Globalized World Normativity in Bioethics*. Springer, 2020.

Engelhardt, H. Tristram. *Bioethics and Secular Humanism: The Search for a Common Morality*. Philadelphia, PA: Trinity Press International, 1991.

Engelhardt, H. Tristram. *The Foundation of Christian Bioethics*. Swets & Zeitlinger Publishers b.v. Lisse, 2000.

Engelhardt, H. Tristram. *The Foundations of Bioethics*. Oxford University Press, 1996.

Engelhardt, H. Tristram. "Critical Care: Why There Is No Global Bioethics." *Journal of Medicine and Philosophy* 23, no.6 (1998): 643–651. <https://doi.org/10.1097/01.ccx.0000184166.10121.c1>.

Evans, John H. "The Social Context of Religion in the Jurisdictions of Bioethics." *The American Journal of Bioethics* 20, no.12 (2020): 1–4. <https://doi.org/10.1080/15265161.2020.1838160>.

Evans, John H. *The History and Future of Bioethics: A Sociological View*. New York: Oxford University Press, 2012.

Fitzgerald, Timothy. *Religion and Politics in International Relations*. London: Continuum, 2011.

Giubilini, Alberto, Minerva, Francesca, Schuklenk, Minerva, and Julian Savulescu. "The 'Ethical' COVID-19 Vaccine is the One that Preserves Lives: Religious and Moral Beliefs on the COVID-19 Vaccine." *Public Health Ethics*, (2021): 1–14. <https://doi.org/10.1093/phe/pha018>.

Hatzopoulos, Pavlos, and Fabio Petito. *Religion in International Relations. The Return from Exile*. New York, Basingstoke, 2003.

Have, Henk T. *Global Bioethics: An Introduction*. Routledge, 2016.

Haynes, Jeff. *Faith-Based Organizations and the United Nations*. New York: Palgrave Macmillan, 2014. <https://doi.org/10.1057/9781137404510>.

Hollenbach, David. *The Common Good and Christian Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Jones, Ben, and Marie Juul Petersen. "Instrumental, Narrow, Normative? Reviewing Recent Work on Religion and Development." *Third World Quarterly* 32, no.7 (2011): 1291–1306. <https://doi.org/10.1080/01436597.2011.596747>.

Jonsen, Albert R. *The Birth of Bioethics*. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Kalbian, Aline H., Campbell, Courtney S., and James F. Childress. "Community, Complicity, and Critique: Christian Concepts in Secular Bioethics." *The American Journal of Bioethics* 20, no.12 (2020): 37–39. <https://doi.org/10.1080/15265161.2020.1833097>.

Lehmann, Karsten. *Religious NGOs in International Relations*. London: Routledge, 2016.

Litsios, Socrates. "The Christian Medical Commission and the Development of the World Health Organization's Primary Health Care Approach." *American Journal of Public Health* 94, no.11(2004): 1884–1893. <https://doi/10.2105/AJPH.94.11.1884>.

Loue, Sana. *Case Studies in Society, Religion, and Bioethics*. Springer, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-44150-0>.

Giuseppe, Giordan, and Enzo Paces, eds. *Mapping Religion and Spirituality in a Postsecular World*. Leiden: Brill, 2012.

Marshall, Patricia A., and Barbara Koenig. "Accounting for Culture in a Globalized Bioethics." *Journal of Law, Medicine and Ethics* 32, no.2 (2004): 252–266. <https://doi/10.1111/j.1748-720X.2004.tb00472.x>.

McCarthy, Michael, Homan, Mary E., and Michael Rozier. "There's No Harm in Talking: Re-Establishing the Relationship Between Theological and Secular Bioethics." *The American Journal of Bioethics* 20, no.12 (2020): 5–13. <https://doi/10.1080/15265161.2020.1832611>.

Murphy, Timothy F. "In Defense of Irreligious Bioethics." *The American Journal of Bioethics* 12, no.12 (2012): 3–10. <https://doi/10.1080/15265161.2012.719262>.

Murphy, Timothy F. "Theorizing Religion in Its Meanings for Bioethics." *The American Journal of Bioethics* 20, no.12 (2020): 47–49. <https://doi/10.1080/15265161.2020.1833102>.

Pellegrino, Edmund D. *Humanism and the Physician*. Knoxville: University of Tennessee Press, 1979.

Potter Van Rensselaer. *Bioethics, Bridge to the Future*. NJ: Prentice-Hall, 1971.

Potter Van Rensselaer. *Global Bioethics: Building on the Leopold legacy*. Michigan State University Press: East Lansing, 1988.

Potter, Van Rensselaer. "Bioethics, the Science of Survival." *Perspectives in Biology and Medicine* 14, no.1 (1970): 127–153. <https://doi/10.1353/pbm.1970.0015>.

Potter, Van Rensselaer. "Bridging the Gap between Medical Ethics and Environmental Ethics." *Global Bioethics* 6, no.3 (1993):161–164. <https://doi/10.1080/11287462.1993.10800642>.

Reich, Warren. "The word 'Bioethics': Its Birth and the Legacies of Those who Shaped its Meaning." *Kennedy Institute of Ethics Journal* 4, no.4 (1995): 319–336. <https://doi/10.1353/ken.0.0126>.

Reich, Warren. *Encyclopedia of Bioethics*. New York: Macmillan Pub. Co.: Simon & Schuster Macmillan, 1995.

Ines-Jacqueline Werkner, and Oliver Hidalgo, eds. *Religionen – Global Player in der internationalen Politik*. Springer, 2014.

Ines-Jacqueline Werkner, and Oliver Hidalgo, eds. *Religions – Global Players in International Politics*. Springer, 2014 [In German].

Robert W. Hefner, John Hutchinson, Sara Mels, and Christiane Timmerman, eds. *Religions in Movement: The Local and the Global in Contemporary Faith Traditions*. London: Routledge, 2015.

Jeremy Carrette, and Hugh Miall, eds. *Religious NGOs and the United Nations in New York and Geneva*. Canterbury: University of Kent, 2017.

Joseph Tham, Kai Man Kwan, and Alberto Garcia, eds. *Religious Perspectives on Bioethics and Human Rights*. Springer, 2017.

James Tham, Chris Durante, and Alberto García Gómez. *Religious Perspectives on Social Responsibility in Health Towards a Dialogical Approach*. Springer, 2018.

Scott, Thomas. *The Global Resurgence of Religion and the Transformation of International Relations: The Struggle for the Soul of the Twenty-First Century*. New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Svenaesus, Fredrik. *Phenomenological Bioethics Medical Technologies, Human Suffering, and the Meaning of Being Alive*. Routledge, 2017.

ten Have, H. *Global Bioethics. An Introduction*. Routledge, 2016.

Kille, Kent J., ed. *The UN Secretary-General and Moral Authority: Ethics and Religion in International Leadership*. Washington, DC: Georgetown University Press, 2007.

Willetts, Peter. *Non-Governmental Organizations in World Politics – The Construction of Global Governance*. New York: Routledge, 2011.

Winiger, Fabian, and Simon Peng-Keller. "Religion and the World Health Organization: an evolving relationship." *BMJ Global Health*, no.6 (2021): 1–9. <https://doi/10.1136/bmjgh-2020-004073>.

Stewart, K.A., G.T. Keusch, and A. Kleinman. "Values and Moral Experience in Global Health: Bridging the Local and the Global." *Global Public Health* 5, no. 2 (March 2010): 115–21. doi:10.1080/17441690903484201.

Сведения об авторах

Наталья Петровна Шок,

к.пол.н., д.ист.н., профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского университета Минздрава России. Россия, 603005, Нижний Новгород, площадь Минина и Пожарского. д.10/1.

e-mail: shok.nataliya@gmail.com

Надежда Алексеевна Белякова,

к.ист.н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а.

e-mail: beliacovana@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0470-4497

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 сентября 2021.

Переработана: 8 ноября 2021.

Принята к публикации: 9 декабря 2021.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Шок, Н.П., Белякова, Н.А. Религиозный фактор и глобальная биоэтика: направления международных дискуссий // *Международная аналитика*. – 2021. – Том 12 (4). – С. 123–141. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-123-141>

International Discussions on Religious Factor in Global Bioethics

ABSTRACT

The article analyzes the cooperation of UN structures with religious non-governmental organizations, as well as with faith-based communities. The authors consider different levels of the influence of the religious factor on the UN activity, and also articulate new directions of its development, outlined during the COVID-19 period. The authors focus on the latent semantic and structural conflict nature of the global agenda, which is formulated by elites who recognize the “benefits” of religious institutions and seek to use the possibilities of religious networks, on the one hand. On the other hand, they point to internal disagreements characteristic of national religious communities, which, as a result of their participation in international dialogue, bring additional tension both to global discussions and to the internal processes of their countries. Global health, which has become an important part of international relations, puts on the agenda the search for a new ethic of global dialogue, of which religious values and religious actors are becoming a part. In the COVID-19 pandemic, trends have emerged that have made the role of religion more visible in the current global health and bioethics agenda. First of all, in connection with the threats of a global pandemic, the need to create new forms of global health management and response to epidemic threats, as well as the organization of a system of “assistance” to developing countries in the field of public health.

KEYWORDS

global bioethics, UNESCO, global health, religious non-governmental organizations

Authors

Nataliya P. Shok,

PhD in Political Science, Doctor of History, Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences, Privolzhsky Research Medical University.

Russia, 603005, Nizhny Novgorod, Minin and Pozharsky Square. 10/1.

e-mail: shok.nataliya@gmail.com

Nadezhda A. Belyakova,

PhD in History, Senior Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, 32a.

e-mail: beliacovana@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0470-4497

Additional information

Received: September 17, 2021. Revised: November 8, 2021. Accepted: December 9, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Shok, Nataliya P., and Nadezhda A. Belyakova, “International Discussions on Religious Factor in Global Bioethics.” *Journal of International Analytics* 12, no. 4 (2021): 123–141.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-123-141>